

УДК 930.85+821.161.1

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ РАБОТЫ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО АГИОГРАФА В XX в.*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Статья посвящена проблемам агиографического повествования в литературе сибирских старообрядцев XX в. Анализируются методы работы старообрядческого писателя, выявляется роль древнерусского и ранневизантийского агиографического канона, фольклора и реалистических тенденций в создании агиобиографий, включенных в Урало-Сибирский патерик. Рассматриваются народные представления о святости.

Ключевые слова: народная агиология, житие, старообрядцы, литературный канон, Урало-Сибирский патерик.

Агиография – один из основных жанров средневековой письменности. Создание житийных текстов в XX в. – явление редкое и заслуживающее пристального внимания [1]. Уникальным источником по изучению судеб древнего жанра в новейшее время является Урало-Сибирский патерик – трехтомное историко-агиографическое сочинение, созданное в 1940–1980-х гг. книжниками самого распространенного на востоке России старообрядческого согласия – часовенного [2, с. 314–394; 3, с. 194–210; 4, с. 97–158; 5, с. 204–228]. Повествования агиографического типа, включенные в Патерик (а их насчитывается несколько десятков), посвящены как легендарным деятелям согласия, так и рядовым пустынножителям; в них отражается процесс сакрализации защитников старого обряда [6, с. 407–462]¹. Одни агиобиографии напоминают краткие жития патерикового типа, другие являются обширными жизнеописаниями. Отдельным персонажам посвящены целые агиографические комплексы, вплетаящие рассказы о подвижниках в историю согласия [7, с. 237–239; 2, с. 315–316, 323]².

Как известно, агиография – один из самых регламентированных средневековых жанров. Нормативность поэтики житий в настоящее время подтверждается углубленным изучением их топики [8, с. 80–92; 9, с. 59–101; 10, с. 453–500]. В какой мере ориентация на литературный канон, на традиционную жанро-

вую топику определяет структуру и стиль новейшей старообрядческой агиографии?

Патерик является результатом работы нескольких редакторов и целого ряда народных книжников [2, с. 314–321]. Замысел, концепция, работа над первоначальной редакцией принадлежат о. Симеону – полемисту и богослову, видному деятелю староверов-часовенных [11, с. 299–302; 2, с. 239–277; 4, с. 159–253]. Его работа была продолжена о. Антонием [2, с. 278–294], о. Ефремом, А.Г. Мурачевым [11, с. 303–411; 2, с. 295–313; 4, с. 254–305]. Каждый из них – самобытный писатель, хранитель традиций древнерусской книжности. По указу о. Симеона среди насельников скитов и крестьян, связанных со старообрядцами, с начала 1940-х гг. велась работа по сбору материалов, составлению «письменных выборок», многие из которых были затем включены в Патерик. Имена этих народных агиографов указаны в Патерике, например: «с рукописи черницы Флены, и тоя самая матери Македонии, и от повести отца Антония»³; «с рукописи матери Флины, матери Авсиянии» (т. 2, с. 89). Почти все агиографические нарративы имеют двух, трех, а то и больше авторов. Причем авторы этих записок иногда сами становились героями других глав. Привлечением к созданию памятника рядовых пустынножителей, как и крестьянским происхождением редакторов, объясняется проникновение в памятник обширного пласта фольклора и народных агиологических представлений.

Главным принципом составителей Патерика является опора на документ. В случае недостатка информации содержание главы не восполняется элементами книжного житийного канона. Круг источников, вызывающих доверие у авторов, достаточно широк. Для глав о легендарных основателях согласия – это труды старообрядческих историков и светских писа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350 а.

¹ Тенденция к сакрализации, возникшая в раннем старообрядчестве, достигла расцвета в Выговском центре.

² Патерик отразил важнейшую особенность древнерусских патериков – активное взаимодействие агиографического и исторического начал. Развитие старообрядческой агиографии сопровождалось выработкой историософских концепций, утверждавших преемственность староверия по отношению не только к «Святой Руси», но и к истокам христианства. Принадлежность к «истинной вере», завершающей христианскую историю, – основное условие сакрализации.

³ Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 14. Далее ссылки на Патерик в тексте статьи приводятся в круглых скобках, с указанием тома и листов.

телей [5, с. 207–219], а также записи легенд («прочее от устного предания воспомянем» – т. 1, л. 30). Главы о современниках целиком основаны на свидетельствах очевидцев.

Внимание к документу, уважительное отношение к источнику обусловили главную композиционную особенность агиобиографий – их компилятивность. Они представляют собой, как правило, не единый текст, а цикл сюжетов, эпизодов, принадлежащих разным авторам. Один рассказ присоединяется редактором к другому, границы между фрагментами, имеющими разное авторство, четко обозначаются: «дозде мать Мелетина», «дозде отец Антоний». Агиографические главы Патерика напоминают, таким образом, своеобразный систематизированный архив, подборку материалов для будущего жития подвижника. Тем не менее из совокупности точек зрения воссоздается образ персонажа, соответствующий тому или иному типу святости. И здесь трудно провести грань между стремлением агиографа «вписать» героя в литературный канон, с одной стороны, и отражением реальной ситуации – с другой, когда этот персонаж и в жизни следовал определенным установкам. Замечание Т.Р. Руди о том, что «следование этикету... свойственно не только автору агиографического текста, но и описываемому им святому» [9, с. 63], оказывается справедливым по отношению ко многим мотивам, сюжетным ситуациям и даже устойчивым формулам Патерика [12, с. 68]⁴. Так, для выражения «принять монашество» используется в качестве синонимичного «сподобитися ангельскаго образа», принять «святой ангельский образ» (т. 1, л. 82 об., т. 2, л. 9 об., 27 об. и др.). Здесь отразился важнейший тип топик монашеских житий, *imitatio angelī*, наиболее последовательно представленный в житиях преподобных [9, с. 79; 10, 434–436]. Именно эта жанровая разновидность житий оказала наибольшее влияние на агиобиографии Патерика, что легко объясняется тематикой памятника, повествующего в основном о пустынножителях. Вместе с тем частотность употребления формулы разными авторами позволяет говорить о том, что данное выражение употреблялось в монашеском обиходе часовенных и не является только литературной формулой.

Знакомы сюжетам Патерика такие топосы преподобнического жития, как мечта о постриге, владеющая святым с детства, ранние попытки уйти в монастырь [10, с. 439], а также уход из дома, когда святой не берет ничего, кроме одежды [10, с. 441]. С детства испытывала «ревность жить в пустыне» м. Македония, она убежала в лес, рыла келейку, пока, наконец, не получила иноческий чин (т. 2, л. 14). М. Елена в 17 или 18 лет, взяв с собой «икону, псалтырь, лестовку и сарафан» (Там же, л. 29), покинула родительский дом, одержимая жаждой подвижнической жизни, и вскоре стала одной из основательниц Сунгульского скита.

Детально разработана в Патерике важнейшая часть агиографической схемы – тема аскетических под-

вигов [2, с. 426–450]. Устойчивым мотивом является «слезный дар»: «слезы у ней были как град. Отец Сава говорил мне: “У меня мать Мастрадия звезда”» (т. 2, л. 10 об. – 11, 34 об. – 35, 79 об. и др.) [13, с. 171–172]. Среди традиционных житийных элементов этого сюжетного узла можно отметить мотив краткого сна: «сон святого всегда краток: он чаще всего спит не лежа (“на ребрах”), а – сидя или стоя, и то “зело мало”, или вообще проводит ночь без сна, в молитвах» [10, с. 479]. Этот мотив часто встречается в Патерике, но словесное его выражение опять-таки заставляет говорить об отражении реальной ситуации. Так, автор вспоминает: «мать Александра от сна всегда воздерживалась, спала мало, 3–4 часа, и нам она сама так говорила, что 3 часа спать мало, не достает, а 5 часов излишно, 4 часа довольно» (т. 2, л. 71–71 об.). Отец Александр, описавший кончину своего наставника о. Силюяна, рассказал, что тот последние годы спал сидя: «неции мнят, ради Бога не ложился» (т. 1, л. 75), имея в виду, очевидно, традиционный вид аскезы. При этом он дает и другое объяснение: «блисты не позволяли ему леги» (Там же).

Наряду с аскезой одной из самых популярных подвижнических черт, отраженных в главах патерика, является дар пророчества, «прозорливость» [5, с. 217–218]. «Душевыми очесы» подвижник видит бесов (т. 1, л. 82, т. 2, л. 74 об. – 75), знает, когда должен приехать гость издалека, предчувствует свою кончину [14, с. 25–26]. В некоторых рассказах, например м. Флены, акцентируется и такая добродетель, как милосердие («милостив бе»).

Многие главы Патерика содержат подробнейшие описания болезней. В том внимании, которое уделяется здесь недугам, можно видеть своеобразное отражение дуализма тела и духа, характерное для мировоззренческих установок создателей памятника. «Но время уже вспомнати и о болезнях матери Тавифы» (т. 2, л. 46), «наконец речем о болезни и кончине матери Тарсилы» (Там же, л. 84), – типичные формулы Патерика. Болезнь воспринимается как дар свыше. Мать Алевтина, умершая в 25 лет от последствий несчастного случая (упала с лошади и была потоптана ею), «желала поболеть, и когда болела, была в великой благодарности, что Господь послал вестника, и готовилася к исходу смерти» (Там же, л. 52 об.).

Пристальное внимание уделяется в Патерике сюжетной ситуации «преставления». Подробно описываются жесты, слова умирающего, бытовые подробности, в чем можно видеть и проявление своеобразного стихийного реализма, и инерцию древнерусских повестей о преставлении [14, с. 24–28]. Тема кончины сопровождается устойчивыми формулами, в которых временная жизнь противопоставляется вечной: о. Федор отошел «от временной жизни в вечный покой» (т. 1, л. 82), м. Мелетина «преставися от временныя к вечной жизни» (т. 2, л. 6 об.), о. Симеон «страдалческою кончиною запечатле свою жизнь временную, преселися на вечную» (т. 1, л. 106) [10, с. 492]⁵. Но встречаются

⁴ В.П. Адрианова-Перетц писала о том, что повторяемость схемы ранневизантийских житий-мartyриев выросла на почве сходства жизненных ситуаций.

⁵ В топике преподобнических житий акцентируется другая тема – противопоставления тела и духа: «телом начат изнемогати, иже душею крепкий» и др.

и поэтические речевые обороты, комментирующие смерть инокини: «пошла весело, как пташечка улете-ла» (т. 2, л. 133).

С сюжетной ситуацией смерти связано несколько «чудесных» мотивов, подтверждающих статус святости персонажа. К ним относятся следующие: изменение запаха тела (в болезни ощущалось зловоние, по преставлении – «издаде благоухание») (т. 2, л. 74 об. – 75, 85); преображение лица (оно становится молодым, светлым, сияющим)⁶; любое внезапное изменение погоды («дождь заулевой был весь день, а когда хороняли, снег был. Вот какая счастливая мать Серафима!») (т. 2, л. 132–133 об.).

Еще более явно свидетельствуют о святости героя такие устойчивые виды посмертных чудес, как мотив нетленных мощей⁷, реакция несодержимых («беснующие кричали на могиле», «нача бес вопити, душным его нарицаю») [2, с. 389] и исцеление при помощи сакралий, связанных с тем или иным святым [2, с. 384–387; 5, с. 226–227]. Каждый из этих мотивов ярко отражает народные агиологические представления.

Отразились в Патерике и некоторые элементы сюжетной схемы житий, посвященных основателям монастырей. Среди них – мотив отеческой любви игумена к братии («яко отец чадолюбивый»), в женских житиях – «яко мати чадолюбивая» [10, с. 491]. Так, характерной чертой м. Елены, руководительницы скита, было матерински заботливое отношение к инокиням. «Могла поучить и словом утешить послушниц в случающихся в большой семье неурядицах. Бывали случаи, что просиживала повсенощно с требующими помощи в назидательных наставлениях» (т. 2, л. 27 об. – 28). Ее предсмертные послания выражают сердечную боль о том, духовные чада остаются сиротами (Там же, л. 32 об. – 33). Главы Патерика, посвященные настоятелям, включают мотив предсмертного поучения братии [14, с. 26], который входит в топику игуменских житий [10, с. 499]. Вполне вероятно, что литературный канон запечатлел практику, принятую в жизни в скитах.

Встречаются в Патерике и элементы топики других разновидностей житий. Так, прощаясь с о. Савой, о. Симеон употребляет выражение «аки елень на источники водныя» [4, с. 214], а это – формула апостольского жития (*imitatio apostoli*) [9, с. 77]. В главе о Павле Убиенном, а также в ряде «современных» глав о смиренных иноках, терпящих «оскорбления» и поношения от скитян, четко прослеживается инерция житийного канона юродивых. В агиобиографиях инокинь можно отметить черты топоса житий праведных жен, следование принципу *imitatio Mariae*: отмечается чистота,

молчаливость, мотивы рукоделия, обучения грамоте и любви к Священному Писанию [9, с. 94–97]. Народная легенда запечатлела и представление о монашеском облике как подобии Христа (*imitatio Christi*) [10, с. 72–73]: три автора зафиксировали рассказ о м. Маргарите, которая жила уединенно близ р. Сылвы «и хождаше за реку на горку ежедневно три года, кадить ету горку», а поскольку «не бе моста, ходящи верху воды *аки посуху*» (здесь и далее курсив мой. – О. Ж.) (т. 2, л. 6). Свидетели чуда также указаны.

Использование отдельных элементов жанрового канона, типизация «по агиографическому типу» совмещаются в Патерике с тенденцией к индивидуализации облика персонажа. В Патерике создан целый ряд ярких, самобытных образов подвижников, а некоторые главы по жанру напоминают не столько жития, сколько литературные портреты. Этому способствовала установка на достоверность, в частности, стремление точно передать речь, слово героя агиобиографии. Тщательно фиксируются его высказывания, а если персонаж обладал литературными способностями, – перечисляются его сочинения, приводятся цитаты из них либо целиком в текст глав включаются сами произведения, становясь важным структурным элементом житийного комплекса. Необходимо отметить, что в среде староверов-часовенных образованность в Священном Писании, литературный дар, «дар слова» ценились чрезвычайно высоко и расценивались как один из видов подвижничества. Для стиля Патерика характерны формулы: «благоразсудителен бе в Божественном Писании» (о. Нифонт), «искусен в Писании» (о. Силуян), «искусен в Божественном Писании» (о. Симеон). Письма, содержащие цитаты из Библии и из духовных стихов, поучения, написанные ярким поэтическим языком, содержащие мудрые мысли, открывают, кроме того, целый ряд имен талантливых народных писателей.

Известно, например, что книжница м. Македония [2, с. 338–339], переписавшая множество древнерусских книг (среди «цветников, акафистов и канонов» упоминается и «Великое Зерцало»), сама была одаренной писательницей. Большинство ее сочинений было уничтожено во время разгрома скитов войсками НКВД в 1951 г., но сохранились вошедшие в Патерик несколько глав о старицах, а также фрагменты из посланий и поучений. «Вся жизнь дыхания нашего в книгах» (т. 2, л. 22), – пишет она в одном из писем. «Грамота у матушки Македонии была зело острая, а петь нисколь не могла» (т. 2, л. 14 об.). Среди ее трудов – и краткие патериковые жития, и своеобразные новеллы. Так, на основе рассказа гостыи, приезжавшей из нижегородских мест, м. Македония записала сюжет про инокиню Евгению (т. 2, л. 12 об. – 14). Сюжетообразующую роль в этом рассказе играет мотив самовара, символизирующего привязанность к мирским удовольствиям. В прежней жизни Евгения «мягко живущи, чай пияше, имея самовар», затем, когда осенило стремление найти монастырь, явленный в видении, она, «взят самовар», отправилась на поиски этого места. Обретя скит, «вхождаше во врата, имея в руку самовар». Игуменя «прият ю тако вшедшу, и до

⁶ «...изменилось лице ея, чудно и на удивление всем: стало лице светлое и полное, бело-желтоватое и моложаво и весело, аки на улыбке губки ужала» (т. 2, л. 48 об.).

⁷ Нетленные мощи – важная часть традиции почитания умершего, обладание ими высоко ценится (иногда достаточно добыть ноготь или палец от мощей), а эпизоды, описывающие обнаружение, перенос и попытки похитить святые останки злоумышленниками, составляют существенный элемент сюжетной организации житийных нарративов Патерика.

дву недель стерпе пити оней от своего самовару, не чай обаче, но некую траву благовонну». В итоге, «почувши ю, разбиша самовар и снемше с нея мирския ризы, облекоша ю во иноческия» (Там же, л. 13 об.). Использование художественной детали, обретающей функции образа-символа, встречается и в других главах Патерика. Такова роль мотива зеркальца в главе о м. Анатолии, написанной о. Антонием. Испытание утаить от настоятеля этот не нужный инокине предмет закончилось тем, что зеркало было разбито, а эпизод получил основательное нравоучительное завершение большой цитатой из Феодора Студита – автора сурового монастырского устава, которого придерживались в скитах часовенных.

Благодаря проникновению в стиль Патерика просторечных оборотов, реальных бытовых и психологических деталей элементы агиографического канона не превращаются в шаблоны, обретая самобытную форму. Тонкая наблюдательность и литературный дар авторов способствовали тому, что в духовном облике героев агиобиографий высвечиваются наиболее характерные черты, отражающие сугубо индивидуальный путь подвижничества. Так, в рассказе о м. Анатолии подчеркивается ее неустанная забота о «семье», чуткость, умение найти слово утешения. «Если какие выйдут соблазны в семье, ей только скажешь, и она скажет: “Помолимся «Милосердия двери», и Господь поможет”, – и сразу бывало, облегчит. А когда придет уныние, точию к ней пойдешь, посоветует и утешит, и скажет: “Себе внимай, не теряй данное нам время на покаяние”. Или когда к ней придешь с какой-либо обидой, мало поговорит, только скажет: “Внимай себе, *это все пройдет, как ветер продует*”. Могла она на пользу говорить, и утешить во всякой печали, словом была одарена...» (т. 2, л. 62 об. – 63). Матушка Алевтина «телом была сильна, послушанием тщалива, в скорбех великодушна... в рукоделии бе искусна, пелены и чины шила, деревянные кресты вырезала, иконы низала. В молитвах и на пении слезные потоки изливала, и то было удивительно, что когда поет или читает, глас не изменяет, а слезы по ланитом текут» (т. 2, л. 51–51 об.). Главный ее дар – пение: «Никогда не устаю петь, более пою – сильнее голос» (Там же, л. 50).

Приведенный материал (далеко не исчерпывающий содержательного богатства Урало-Сибирского патерика) позволяет судить о своеобразном преломлении в современных старообрядческих житийных нарративах агиографического канона. Мы можем говорить о

частичном воспроизведении народными агиографами литературной топики жанра, причем более на уровне мотивов и этикетных ситуаций, нежели формульного стиля. Патерик свидетельствует о глубоком проникновении в старообрядческую духовную культуру и монастырский быт представлений об идеалах святости, сформировавшихся в результате взаимодействия книжных образцов и народных представлений. Исходя из установки на достоверность, авторы агиобиографий стремились точно запечатлеть «подвижную жизнь» своих героев, «в пользу чтущим и послушающим, а не в похвальбу» (т. 2, л. 78 об.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мороз А.Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.
3. Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8.
4. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / сост. Н.Н. Покровский, В.И. Байдин, Н.С. Гурьянова и др. Новосибирск, 1999.
5. Журавель О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003.
6. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1.
7. Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
8. Конаяская Е. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.
9. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
10. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57.
11. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / сост. Н.Н. Покровский, А.И. Мальцев, А.Т. Шашков и др. Новосибирск, 2005.
12. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
13. Берман Б.И. Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982.
14. Журавель О.Д. К изучению старообрядческой агиографии: ситуация преставления // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3.